

УДК 101.1

Мельник Вероника Павловна

Кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры философии

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

Melnik@mail.ru

Veronika P. Melnik

PhD in Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Philosophy,

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Melnik@mail.ru

**ВЗАИМОПОМОЩЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ****MUTUAL ASSISTANCE AS A SOCIO-PHILOSOPHICAL CATEGORY:
HISTORICAL, CULTURAL AND AXIOLOGICAL FOUNDATIONS**

Аннотация: В статье представлено комплексное исследование феномена взаимопомощи как категории социальной философии, с акцентом на историко-культурные истоки и аксиологические основания данного явления. На основе теоретического анализа уточняется определение взаимопомощи и ее отличия от родственных понятий – взаимовыручки, солидарности, альтруизма. Показано, что взаимопомощь носит двусторонний, взаимный характер, отличаясь от одностороннего альтруизма и выражая особый тип социальности. Рассматриваются историко-культурные корни взаимопомощи в российской традиции: крестьянская община, артель, фронтовое братство военного времени, советский коллективизм – как примеры укорененности принципов товарищеской поддержки. Проведен обзор философских концепций взаимопомощи от работ П.А. Кропоткина, обосновавшего взаимопомощь как естественный закон и фактор эволюции, до идей современных коммуникативных философов, противопоставляющих кооперацию социальному дарвинизму.

Ключевые слова: взаимопомощь; социальная философия; солидарность; альтруизм; коллективизм; аксиологические ценности; социальный капитал; корпоративная этика; служебный долг.

Abstract: The article presents a comprehensive study of the phenomenon of mutual assistance as a category of social philosophy, with an emphasis on the historical and cultural origins and axiological foundations of this phenomenon. Based on theoretical analysis, the definition of mutual assistance and its differences from related concepts - mutual assistance, solidarity, altruism - are clarified. It is shown that mutual assistance is bilateral, reciprocal in nature, differing from one-sided altruism and expressing a special type of sociality. The historical and cultural roots of mutual assistance in the Russian tradition are considered: the peasant community, the artel, the front-line brotherhood of wartime, Soviet collectivism - as examples of the rootedness of the principles of comradely support. A review of philosophical concepts of mutual assistance from the works of P.A. Kropotkin, who substantiated mutual assistance as a natural law and a factor of evolution, to the ideas of modern communicative philosophers who contrast cooperation with social Darwinism.

Keywords: mutual assistance; social philosophy; solidarity; altruism; collectivism; axiological values; social capital; corporate ethics; official duty.

Введение. С недавнего времени для российского общества категория взаимопомощи получает статус одной из важнейших духовно-нравственных ценностей [9]. Принципиально важно отличать взаимопомощь от смежных понятий – таких как взаимовыручка, солидарность и альтруизм. В обыденном употреблении термины «взаимопомощь» и «взаимовыручка» близки и часто используются как синонимы, однако в научном контексте их можно развести. Взаимовыручка обычно подразумевает оперативную поддержку друг друга в экстремальных ситуациях или при решении конкретной задачи, тогда как взаимопомощь понимается шире – как устойчивый двусторонний обмен помощью на основе доверия и взаимных обязательств членов сообщества.

От понятия альтруизм взаимопомощь отличается, прежде всего, наличием ожидаемой обоюдности: если альтруизм – это бескорыстная забота об иных без расчета на ответную услугу [4], то взаимопомощь предполагает, что оказывающий помощь вправе рассчитывать на поддержку со стороны получателя помощи в будущем. Иначе говоря, взаимопомощь основана на принципе взаимности, сближающем ее с идеей социальных норм реципрокности. Последние, по замечанию Р. Патнэма, являются столь фундаментальными для цивилизованной жизни, что выражены во всех крупных этических учениях в форме «золотого правила» [3]. Цель данной работы – проанализировать феномен взаимопомощи в его социально-философском измерении, раскрыв историко-культурные основания и аксиологический статус взаимопомощи.

Методы. Исследование выполнено с опорой на междисциплинарную методологию, объединяющую историко-философский анализ и аксиологический подход. В рамках историко-философского анализа изучены идеи о взаимопомощи в трудах классиков социальной мысли (прежде всего П.А. Кропоткина и его последователей), а также прослежены эволюция и трансформации данного понятия в философии и смежных науках. Применен компаративный метод для сравнения взаимопомощи с другими формами социальных отношений (солидарность, альтруизм), что позволило выявить существенные характеристики этой категории. Историко-культурный анализ основан на привлечении данных об обычаях и практиках взаимопомощи в российском обществе разных эпох (допетровская общинность, советский коллективизм и др.), почерпнутых из трудов историков и этнографов.

Результаты. Анализ показал, что взаимопомощь выступает особым типом социальных взаимодействий, основанных на обмене поддержкой между индивидами или группами. Главным концептуальным признаком взаимопомощи является принцип взаимности: помощь оказывается на условии готовности отвечать тем же при необходимости. Эта двусторонняя симметричность выгодно отличает взаимопомощь от одностороннего акта милосердия или благотворительности. Взаимопомощь основана одновременно на нравственном мотиве и на взаимной заинтересованности: помогая сегодня, индивид знает, что в будущем и ему помогут в беде. Тем самым взаимопомощь включает элемент обоюдной ответственности и неявного контракта между участниками («ты – мне, я – тебе»).

Социокультурные исследования традиционных сообществ подтверждают, что нормы взаимопомощи обычно поддерживаются механизмом взаимных ожиданий и репутаций. Так, в крестьянской общине совместный труд «на миру» не считался чистым альтруизмом, а воспринимался как общий долг соседей друг перед другом, при невыполнении которого человек мог быть осужден сообществом. Антропологические данные свидетельствуют: взаимная помощь в докапиталистических крестьянских хозяйствах носила характер не столько филантропии, сколько формы общественного договора, своего рода взаимного страхования на случай нужды. Например, обычай «помочей» в русской деревне предполагал, что односельчане безвозмездно помогают семье справиться с большим трудовым проектом (строительством дома, уборкой урожая и т.п.), а получатель помощи «угощает» всех по завершении работ и обязуется сам участвовать в подобных работах у соседей. Такая практика была всеобщей нормой, отклонение от которой порицалось [5]. Каждый понимал, что взаимопомощь выгодна всем, поскольку повышает выживаемость и благосостояние всей общины. Следовательно, с точки зрения аксиологии, взаимопомощь интегрирует в себе ценность бескорыстия и элемент справедливого обмена. Это делает ее одной из основополагающих социальных ценностей, признанной как на уровне морали (добродетель), так и на уровне социального закона (правила сообщества). Русская община (крестьянская мирская община дореволюционной России) зачастую приводится в научной литературе как классический пример коллективистского уклада, основанного на взаимопомощи. Хозяйственная жизнь в общине строилась на обычаях совместного труда и поддержки: общинники совместно пахали и убрали поля вдов и немощных, коллективно восстанавливали сгоревший дом односельчанина, делились инвентарем. Такие обычаи, как «помочи» (сход селян для совместной бесплатной работы у одного из членов общины) или «толока», были повсеместно распространены и воспринимались как естественное проявление соседской взаимовыручки. Этнографические исследования фиксируют, что подобные практики не воспринимались крестьянами как нечто героическое – напротив, они считались обыденной нормой: «так заведено» [1]. Общинная мораль осуждала чрезмерный индивидуализм и уклонение от общих работ, поддерживая тем самым высокий уровень солидарности. Артель – другая форма коллективного устройства, характерная для русского народа – также зиждилась на принципах товарищества и взаимопомощи. В артели (промысловой, ремесленной, старательской и т.д.) участники не только вместе трудились и делили заработок, но и выручали друг друга: опытный учил новичка, успешный поддерживал менее удачливого

рублем, заболевшему скидывались на лечение. Нередко артель называли «трудовым братством», подчеркивая неформальные узы взаимной поддержки между ее членами.

Особого упоминания заслуживает феномен «фронтového братства», проявившийся в периоды войн и испытаний. В экстремальных условиях военного времени взаимопомощь становится не просто нравственной нормой, а условием выживания коллектива. Солдаты, связанные фронтovým товариществом, проявляли чудеса взаимовыручки: выносили раненых с поля боя, делились последним пайком, прикрывали друг друга под огнем. Эта спаянность боевого коллектива на основе принципа «не бросай товарища» не раз отмечалась фронтовиками как решающий фактор стойкости подразделений. После Великой Отечественной войны понятие «боевое братство» стало частью исторической памяти: ветераны вспоминают, что именно чувство плеча и готовность помочь собрату позволили им вынести нечеловеческие нагрузки войны. Таким образом, война обнажила предельную ценность взаимопомощи, превратив ее в неписаный закон фронтовой жизни.

В советский период идея коллективизма стала официальной идеологемой, и взаимопомощь возводилась в ранг одного из базовых принципов новой общности – «советского народа». Даже в городских подъездах и дворах культивировались практики соседской взаимопомощи – от обмена инструментами до совместного присмотра за детьми. Конечно, нельзя идеализировать: рядом с примерами идущего от души сотрудничества существовали формализм и принуждение. Однако сам факт, что государственная этика провозглашала «товарищескую взаимопомощь» нормой, свидетельствует об аксиологическом признании ее значимости.

Обобщая историко-культурологический обзор, можно констатировать: взаимопомощь исторически укоренена в социальной жизни и во многом предшествует теоретическим осмыслениям. Практики взаимной поддержки возникали стихийно там, где люди понимали свою зависимость друг от друга перед лицом суровой природы или внешних угроз. Как отметил П.А. Кропоткин, изучавший жизнь животных и «примитивных» обществ, общинные инстинкты эволюционно сложились именно потому, что обеспечивали группе выживание и прогресс лучше, чем разрозненное существование отдельных особей [8]. Кропоткин выступил против господствовавших в то время идей «социального дарвинизма», упрощенно переносивших принцип жестокой конкуренции и «борьбы всех против всех» на объяснение развития общества. Опираясь на обширный эмпирический материал – от наблюдений за поведением животных до анализа исторических форм общин у людей – философ обосновал, что взаимопомощь является не менее важным законом природы, чем конкуренция [8]. Он показал, что во многих биологических видах выживают и достигают процветания не самые агрессивные и эгоистичные индивиды, а те, которые умеют объединяться и совместно противостоять трудностям среды. Аналогично и в человеческой истории – племена и народы, практиковавшие взаимопомощь и кооперацию, имели преимущество в выживаемости и развитии над разобщенными. По мнению Е.М. Щепановской, «именно мирное коллективное взаимодействие — точка отсчета и культуры, и культурности человека, и культурологии. Оно не является вторичным: это фактор эволюции самой жизни — неслучайно протест как против социал-дарвинизма, так и против теории Дарвина возникал и в рядах самих биологов с самого начала возникновения этой теории» [10].

Кропоткин не ограничился заявлением о природной укорененности взаимопомощи, но сделал шаг к этическим выводам. По его мысли, взаимопомощь, сложившись эволюционно как инстинкт и потребность социальных существ, стала затем источником человеческой этики. В процессе эволюции люди осознали силу взаимной поддержки и радости, приносимые общественной жизнью, что легло в основу нравственных идеалов [8]. Таким образом, природный «закон взаимной помощи» перерос в моральный принцип: человек не просто следует слепому инстинкту сотрудничества, а принимает сознательное решение помогать ближнему, ощущая это как нравственное требование. Здесь кроется важное отличие взглядов Кропоткина от концепций Т. Гексли и других социал-дарвинистов. Гексли в знаменитом эссе «Struggle for Existence» (1888) рисовал природу как арену беспощадной конкурентной борьбы, где мораль человеку привносится извне (через культуру), противопоставляя себя естественным тенденциям. Кропоткин же убедительно продемонстрировал, что в самой природе заложены предпосылки для этики сотрудничества: взаимопомощь – столь же естественна, сколь и нравственна [8]. Его работа во многом полемична по отношению к Гексли: Кропоткин ставил целью «доказать роль, которую играют общительные привычки в жизни природы и в прогрессивной эволюции как животных видов, так и человеческих существ», тем самым опровергнув односторонний тезис о всемогуществе конкуренции. В итоге философия Кропоткина заключает: взаимопомощь – это одновременно естественный закон развития жизни и высший моральный принцип, следуя которому человечество реализует свое эволюционное наследие на более высоком, сознательном уровне.

Идеи Кропоткина оказали заметное влияние на последующую мысль, хотя и воспринимались неоднозначно. В начале XX века их поддерживали представители эволюционной этики и социологии, которым близка была идея естественного происхождения морали сотрудничества. Современные коммуникативные философы и этики диалога фактически приходят к сходным выводам о важности взаимопонимания и сотрудничества для существования общества. Так, Юрген Хабермас, разрабатывая теорию коммуникативного действия, вводит понятие «солидарности» как обратной стороны справедливости и условия устойчивости социального единства [2]. Хабермас показывает, что наряду с нормами справедливости, гарантирующими равные права индивидов, требуется солидарность – то есть готовность людей воспринимать друг друга как членов единой общности и нести ответственность друг за друга. По его словам, справедливость и солидарность рождаются из взаимного признания индивидов, стремящихся согласовать свои действия [2]. В этом отзывается принцип взаимопомощи: признавая другого равным партнером и разделяя с ним общее «жизненное пространство», человек проявляет солидарность через поддержку и сотрудничество. Современная коммуникативная этика, таким образом, выводит нас на понимание взаимопомощи как интересубъективного императива: в открытом диалоге и совместных действиях люди утверждают общие ценности и преодолевают отчуждение.

В смежных областях знания идея эволюционной и социальной выгоды взаимопомощи также получила подтверждение. Теоретики социального капитала (Дж. Колман, Р. Патнэм и др.) показали, что сообщества, где распространены нормы взаимной поддержки и доверия, достигают большей сплоченности и успешнее справляются с проблемами развития [3]. Р. Патнэм специально подчеркивает значение «обобщенной взаимности» (*generalized reciprocity*) – когда люди помогают друг другу, не требуя немедленной выгоды, в уверенности, что и им помогут в случае нужды. Эта норма, по его мнению, лежит в основе гражданских добродетелей и является «социальным суперклеем» для групп и организаций. Таким образом, новейшие социально-философские теории фактически подтверждают вывод Кропоткина столетней давности: привычка к сотрудничеству и взаимовыручке – ключевой фактор выживания и развития и животных, и людей, а превращенная в осознанный принцип, она служит фундаментом человеческой морали и общества.

Обсуждение. Полученные результаты теоретического и исторического анализа позволяют утверждать, что взаимопомощь обладает высокими аксиологическими статусами в системе социальных ценностей. Во-первых, взаимопомощь выступает как добродетель, признаваемая практически всеми этическими учениями. Еще Аристотель в учении о дружбе отмечал ценность взаимного благодеяния, а мировые религии возвели любовь к ближнему и помощь ему в ранг заповедей. Светская мораль Нового времени через понятие альтруизма также утвердила норму заботы о других. Взаимопомощь же синтезирует эти интенции в практическом плане: она есть реализованное добро по отношению друг к другу. Показательно, что «золотое правило нравственности» (поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой) по сути своей есть призыв к взаимной поддержке и уважению. Благодаря взаимопомощи общество обретает внутреннюю солидарность, на которой зиждется социальная стабильность. Во-вторых, взаимопомощь имеет важное социально-утилитарное измерение: она напрямую связана с формированием и накоплением социального капитала. Взаимопомощь можно рассматривать не только в нравственной плоскости, но и в практической – как фактор социальной эффективности и выживаемости.

Особое внимание следует уделить проявлениям и значению взаимопомощи в современном профессионально-корпоративном контексте, в частности в сфере, где ценности долга и служения обществу наиболее ярко выражены. Речь идет о корпоративной этике таких институтов, как правоохранительные органы, армия, спасательные службы. В этих сообществах принцип взаимопомощи возведен в ранг профессионального и морального императива (на что косвенно указывает и Э. Дюркгейм) [6]. Так, Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел РФ прямо обязывает строить отношения с коллегами на началах товарищества, взаимопомощи и взаимовыручки [7]. От полицейского требуется всегда прийти на выручку напарнику, поддержать товарища по службе, поделиться опытом с молодым сотрудником. Подобные нормы не случайны: профессия, связанная с риском и высокой ответственностью, предполагает сплоченный коллектив, где каждый уверен в помощи других. Моральный климат в таких организациях во многом определяется степенью распространенности товарищеской взаимоподдержки. Если сотрудники убеждены, что в беде их не оставят, это повышает и боевой дух, и качество выполнения служебных обязанностей. Недалеко идеалы «боевого братства» и «чести мундира» традиционно включают готовность выручить сослуживца. В более широком смысле, корпоративная культура многих учреждений сегодня все активнее включает ценности командной работы и взаимопомощи, противопоставляя их устаревшим

моделям конкуренции внутри коллектива. Менеджмент признает, что атмосфера взаимной поддержки повышает лояльность персонала, снижает текучесть кадров и способствует инновациям, поскольку люди охотнее делятся знаниями. Таким образом, принцип взаимопомощи проявляет свою актуальность и в современных высокоорганизованных сферах – не только как моральный идеал, но и как практический профессиональный стандарт.

Заключение. В результате проведенного исследования взаимопомощь предстает как многогранная социально-философская категория, объединяющая описательное понятие и ценностный идеал. Взаимопомощь определяется как процесс взаимного обмена помощью между членами сообщества, обладающий двусторонним, реципрокным характером и отличающийся от односторонних актов альтруизма. В профессиональной и корпоративной этике взаимопомощь санкционирована как моральный долг: особое значение она имеет в сферах службы и защиты, где от сплоченности коллектива зависит успех общего дела. Взаимопомощь можно рассматривать и как социальный идеал, и как прагматический ресурс общества. В современном мире, столкнувшемся с множеством глобальных проблем, принцип взаимопомощи выходит за пределы малых групп, утверждаясь в формате международного сотрудничества, гуманитарных инициатив, сетевых сообществ взаимоподдержки. Тем самым подтверждается универсальность этого принципа. Социальная философия, изучая взаимопомощь, вносит вклад в понимание того, как ценностное единство и практическая кооперация могут служить опорой общества перед лицом внешних вызовов и внутренних противоречий.

Список литературы

1. Davydova I. Mutual Assistance among Russian Peasants: Practices of Pomochi and Their Evolution in the Course of Modernisation // *Mir Rossii*. – 2018. – vol. 27, no 3, pp. 107–129. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-3-107-129
2. Habermas J. Justice and Solidarity: On the Discussion concerning Stage 6 // *The Philosophical Forum*. – 1990. – Vol. 21, No. 1–2. – P. 32–52.
3. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 544 p.
4. Альтруизм // *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* – М.: Мысль, 2000. – Т.1. – С. 82–84.
5. Громыко М.М. *Мир русской деревни*. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 255 с.
6. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда* / пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
7. Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утв. Приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007140029> (дата обращения: 22.04.2025).
8. Кропоткин П.А. *Взаимная помощь как фактор эволюции* / пер. с англ. В.П. Батурина; под ред. автора. – СПб.: Изд-во товарищества «Знание», 1907. – 351 с.
9. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
10. Щепановская Е.М. Роль биологических теорий в культурном взаимодействии: миф о борьбе за существование и симбиоз как ведущий фактор эволюции // *Ценности и смыслы*. 2011. №2 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-biologicheskikh-teoriy-v-kulturnom-vzaimodeystvii-mif-o-borbe-za-suschestvovanie-i-simbioz-kak-veduschiy-faktor-evolyutsii> (дата обращения: 19.05.2025).

Literature

1. Davydova I. Mutual Assistance among Russian Peasants: Practices of Pomochi and Their Evolution in the Course of Modernisation // *Mir Rossii*. – 2018. – vol. 27, no 3, pp. 107–129. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-3-107-129
2. Habermas J. Justice and Solidarity: On the Discussion concerning Stage 6 // *The Philosophical Forum*. – 1990. – Vol. 21, No. 1–2. – P. 32–52.
3. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 544 p.
4. Altruism // *New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes*. Moscow: Mysl, 2000. Vol. 1. pp. 82–84.
5. Gromyko M.M. *The world of the Russian village*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1991. 255 p.
6. Durkheim E. *On the division of social labor* / translated from the French by A.B. Hoffman. – M.: Canon, 1996. – 432 p.

7. Code of Ethics and Official Conduct of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, approved by By Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 26, 2020 No. 460. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007140029> (date of request: 04/22/2025).

8. Kropotkin P.A. Mutual assistance as a factor of evolution / translated from English by V.P. Baturinsky; ed. the author. St. Petersburg: Publishing House of the Znanie Association, 1907. 351 p.

9. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values."

10. Shchepanovskaya E.M. The role of biological theories in cultural interaction: the myth of the struggle for existence and symbiosis as a leading factor in evolution // Values and Meanings. 2011. No. 2 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-biologicheskikh-teoriy-v-kulturnom-vzaimodeystvii-mif-o-borbe-za-suschestvovanie-i-simbioz-kak-veduschiy-faktor-evolyutsii> (date of request: 05/19/2025).